

— Венгерскіе министры Телеки и Чаки прибыли в Берлин.

— Германскій главнокомандующій ген. Браухич прибыл в Рим для совѣщанія и совмѣстной с начальником итальянскаго генеральнаго штаба ген. Паріани поѣздки в Ливію.

— Вернувшійся из Москвы полпред Майскій представил Галифаксу новыя предложенія.

— На мѣсто Фриновскаго, наркомвоенмором назначен командовавший тихоокеанским флотом Кузнецов.

— Совершавшіе полет из Москвы

в Нью - Йорк Коккинаки и Гордіенко вынуждены были снизиться в Канадѣ, покрыв 8 тыс. килом.

— Коммюникѣ об итогах посѣщенія Парижа румынским министром иностр. дѣл Гафенко носит общій и неопредѣленный характер.

30. Гафенко прибыл в Рим.

— Потемкин прибыл в Анкару.

— Берлин и Рим обсуждают вопрос о присоединеніи Словакии к Венгрии.

— Рузвельт открыл в Нью - Йоркѣ всемирную выставку — «Мир завтра»: в ней принимают участие 62 націи.

По поводу писем Н. А. Герцена

Недавно, перечитывая Герцена, я обратил вниманіе, до какой степени язык его интимнаго, не предназначеннаго для печати, дневника и его писем совпадает с языком его журнальных статей, его «Былого и Дум», — случай, если не единственный, то все-же рѣдчайшій в исторіи литературы. В большей или меньшей степени, писатель, сколь - бы он ни был «поэт», сколь-бы ни стремился в своих произведеніях раскрыть свою душу, выразить себя, все-же, когда он пишет для других, обычно как-то себя сдерживает, себя ограничивает, ищет «общаго» с читателем языка, и тѣм самым от чего - то «своего» отказывается. Когда он пишет исключительно для себя или для своих близких, он, может быть, выражается небрежнѣе, сбивчивѣе, но — свободнѣе, легче «проговаривается». С этой точки зрѣнія духовная цѣлостность человѣческой личности является лишь относительной. Исключительность Герцена в том, что для него, когда он высказывается, словно не существует различія между ним самым, его друзьями и читательским «анонимом»: во всѣх сферах общенія и высказыванія он выступает в одном и том-же «лицѣ». Герцен — *individuum* в точнѣйшем смыслѣ слова; абсолютно «недѣлим».

Смысл и значеніе этого раскрываются во всей полнотѣ при сопоставленіи рѣчи самого Герцена с рѣчью его жены в ея, напечатанных в «Русск. Зап» (1939, февраль), письмах. Язык этих писем — тот-же самый, что язык всего писаннаго Герценом. Дѣло идет, конечно, не о каких-нибудь, самих по себѣ безразличных, особенностях всякаго бытового, семейнаго, кружковаго и т. д. «argot», а о том, что в герценовской рѣчи единственно, неповторимо, что дѣлает ее, по выраженію Тургенева о ней, настоящим «живым тѣлом»: о ея страстном, напряженном

и вмѣстѣ величественном — каком-то бетховенском — ритмѣ, образуемом своеобразным, специфически герценовским, построением сложных рѣчевых цѣлых, слагающихся из коротких рѣчевых единиц, выражающих, каждая, отдѣльное впечатлѣніе, отдѣльную эмоцію, так что ощущается послѣдовательное нарастаніе нѣкоторой **общей**, сложной, сопутствующей развитію высказываемой мысли, эмоціи, ощущается **жизнь**, владѣющей всѣм цѣлостным сознаніем говорящаго, идеи во всем ея богатствѣ и в ея неудержимом стремленіи к самораскрытію. Если-бы мнѣ прочли, не называя автора, мѣсто из письма Н. А. Герцена к Астраковой (Іюнь, 1848 г. — «Р. Зап.», стр. 108) — «перед революціей становилось свободнѣе дышать...», я бы утверждал, что это — из «Былого и Дум», или «С того берега».

Эти наблюденія служат подтвержденіем глубокой истинности того, что незадолго до своей кончины, подводя итоги прожитой жизни, писала Н. А. Герцен (к Маріи К. Рейхель, 1852, с. 112 сл.) о своих отношеніях к мужу: «... нравственных сил у меня много, непреборимых, сила моя — моя любовь к Ал., опора моя — его любовь ко мнѣ, никогда... мы не были так проникнуты друг другом, никогда не были так воедино...» «...Береги дѣтей, чтоб клевета на наш союз не коснулась их, они могут и должны только благословлять его. На них я надѣюсь, на дѣтей, на них так ясна печать истинности полноты этого союза...» И в другом письмѣ к ней-же (6 марта 52, с. 114 сл.): «Когда бы прекратились эти вѣшнія дрязги — сколько у нас с А. матеріалу на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокую, мудрую, гармоническую. Хоть у меня и не было со встрѣчи с ним ни одного мгновенія, в которое я не чувствовала болѣе или менѣе одного кровообращенія с ним, как с сросшимся близнецом, но — при всем была Фома невѣрный, наконец, как он-же, вложила персты...» — Почему, касаясь вопроса о том, что было предметом семейной драмы Герценов, она, обращаясь к человѣку, которому всѣ обстоятельства их жизни были превосходно извѣстны, все же употребила слово «клевета»? Потому, что здѣсь она имѣет в виду именно «обстоятельства», то, что относится к «эмпири», к области «случайнаго», и что по существу ея союз с Герценом был именно таким, как она его охарактеризовала: полная сросшенность воедино, «одно кровообращеніе», **проникнутость** друг другом, при которой два человѣка чувствуют, мыслятъ, а потому и **говорят**, как один человѣкъ.

Разумѣется, в жизни оба плана. «эмпири» и «умопостижимаго», сливаются в один план — и уже в силу этого союз Герцена и его жены меньше всего был идилліей, — не говоря о том, что и духовное развитіе обоих протекало далеко по одной и той-же линіи, — как это прекрасно показано у П. Н. Милюкова в его статьѣ «Любовь у идеалистов тридцатых годов» (Сборн. «Из исторіи русской интеллигенціи»). Иначе и не могло быть. Чѣм значительнѣе человѣческая личность, тѣм **трагичнѣе** ея жизненный путь. Отношенія между Герценом и его женою — независимо от того, что Н. А. относит к области «клеветы», — с самаго начала их союза и до конца, носят трагическій характер. Но смысл всякой жизни раскрывается в момент ея **сверженія**, — говоря словами Милюкова, в развязкѣ трагедіи. И с этой точки зрѣнія на рѣдкость по-

казательно, что развязку эту сам Герцен (там, гдѣ он, в цитированном у Милюкова мѣстѣ, говорит о своей встрѣчѣ с Н. А. в Туринѣ, послѣ тѣх событій, которыя составляли кульминаціонную точку их трагедіи) характеризует так-же, и почти в тѣх-же словах, как и Н. А. Трагедія изжита, но это не значит, что она цѣликом отошла в прошлое: «Прошедшее имѣет свои права, оно факт, с ним надобно сладить, а не забыть его, — и мы шли к этому дружными шагами.. Вновь отправляясь в путь, мы, не считаясь, раздѣлили печальную ношу былого.. Внутри наболѣвших душ сохранилось все для возмужалаго, отстоявагося счастья. По ужасу и тупой боли еще яснѣе разглядѣли мы, как мы **неразнымчато срослись** годами, обстоятельствами, чужбиной, дѣтьми...»

В основѣ трагедіи лежало еще до брака их осознанная Герценом и мучившая Н. А. истина: «Я — не ты», писал он ей. «Я не могу выносить этого я не ты...» — отвѣчала она (цит. у Милюкова). Развязка была преодоленіем этой двойственности. То, что это «человѣческое слишком человѣческое» воспринималось ими обоими так трагически, причиняло им такіа душевныя терзанія, обусловлено природой их жизнепониманія и жизнеощущенія, их **персонализмом**. И им-же обусловлено то подлинное чудо срашенія «Я» и «Ты» в одно, реальность котораго засвидѣтельствована письмами Н. А.

Герценовское чудо, повторяю, — предѣльный случай. Но никакой подобный случай не бывает чистой случайностью. Он всегда — **историческій факт**, в том смыслѣ, что является наиболѣе яркой и в этой своей яркости, неожиданной, изумляющей реализаціей общих духовных тенденцій своего времени. И дѣйствительно, персоналистическое сознание, имѣющее свой источник в раннем христіанствѣ, в августинизмѣ и возродившееся в Европѣ со времени Руссо, было сознаниемъ всѣх выдающихся людей герценовскаго времени, лежит в основѣ всей той идеалистической философіи, на которой были взращены всѣ они, — сколько бы далеко иные из них (и прежде всего сам Герцен) ни отошли затѣм от нея. И это еще не все. Не случайно и то, что «чудо» осуществилось на **русской почвѣ**. Если обратимся к перепискѣ Бакуниных, к записям Ив. Кирѣевского, приводимым Гершензоном в его «Исторических Записках», к стольким еще другим матеріалам по исторіи «замѣчательнаго десятилѣтія», то убѣдимся, что проблема личности, ея духовной свободы, ея цѣлостности, нигдѣ не выдвигалась с такой остротой и так не владѣла сознаниемъ, как в кругах тогдашней русской интеллигенціи.

П. Бицилли

ПОПРАВКА

В предыдущей книгѣ журнала, в статьѣ о покойном Е. И. Замятинѣ. днем его похорон указано 2-ое марта, вмѣсто 12-го.